

Петр

ЮБИЛЕЙ

Петр ТОДОРОВСКИЙ о кино, женщинах и пережитых страхах

женщина мне говорит: "Ну вот эту сразу возьми". (Тодоровский долго сдерживал себя, чтобы не рассмеяться раньше времени, — но теперь уже можно.) Потом вижу: ко мне направляется такая милая дамочка лет тридцати, идет улыбаясь. Я понял, конечно, что она проститутка. Но тут подъезжает моя жена на машине, я сажусь и уезжаю... Вот, пожалуй, единственная встреча с проституткой до "Интердевочки".

— Ну а к фильму, что же, готовились основательно? Насмотрелись всякого?
— Потом, конечно, на "Мосфильм" мне стали приводить их целими партиями. Помню, пришла одна: студентка Тимирязевского института, замечательное лицо, симпатичная. И она рассказывает: моя подружка, мол, ходит в джинсовом костюме — а я что, хуже? И вот она себе придумывает, что это ее любимый человек, и отдает ему все. Спрашиваю: "Ну и сколько же ты зарабатываешь?" — "Бывает в неделю по семь тысяч". По

Один парень качал кровать, осветитель мотал юпитером, оператор — камерой. А я толкал Ленинку задницу. Все в поту, она лежит... (Хочется.) А потом один молодой человек прислал мне письмо с претензией: дескать, в сценарии у Куницыной ей с японцем было лучше, чем с мужем, а у вас, мол, наоборот. Как-то подошел к Куницыну, спрашиваю: "Слушай, как мне нужно было снять? То есть с японцем она должна была лежать, как королева, а с японцем — вся в оргазме?" (Опять заливается смехом.)

— Кстати, об этом шведе. Правда, что актер Томас Лаустиола был беспробудным пьяницей, а вы его заставляли закодироваться?
— Нет, он закодировался задолго до съемок. Работал в театре Бергмана, потом стал пить: от него ушла жена, из театра выгнали, валялся под заборами. Потом долго лечился. Ну а когда снимался у нас, это уже был солидный мужчина: новая семья, жена-еврейка, двухэтажная квартира. И свои две клиники — он сам уже лечил запойных алкоголиков. У него была теория, что только бывший пьяница, который прошел через все, может помочь освободиться от этой болезни. Помню такой момент: когда мы приехали в Швецию, нам устроили шикарный прием. И ребята наши — рабочие, осветители — набрались так, что, когда на следующее утро Томас пришел на съемку, он вдруг начал орать со страшной силой: "В такой атмосфере я не буду сниматься!" Оказывается, учуял запах перегара. А для него это было самое страшное.

— Слышал, на месте Яковлевой могли оказаться Догилева или Удовиченко.

— Нет, Догилева была на "Военно-полевом романе". Там я сразу хотел Чурикову и Наташу Андрейченко — ярче антиподов биологических сложно было подобрать. Но потом выяснилось, что Наташа беременна, на девятом месяце, то есть вопрос отпадает. На всякий случай я стал комплектовать более молодую группу — вот тогда появилась Догилева. Но мне так хотелось получить Андрейченко! В конце концов взял да еще раз позвонил Наташе. Она: "Петр, мне так нравится роль, очень хочу сниматься". — "Так в чем же дело?" — говорю. "Ну вот ребенок, полтора месяца". Спрашиваю: "Ты кормишь его?" — "Нет, он уже на искусственном". — "Ну так давай". И сыграла замечательно. Хотя ей было не так-то просто: ребенка отвезла к бабушке в Долгопрудный и почти каждый день — зимой — моталась туда после съемок.

— Как-то вы сказали, что о своих взаимоотношениях с женщинами напишете книгу. Время не пришло?

— Насчет книги не знаю, это очень громко. Скорее всего для красного словца было сказано. Но вообще, конечно, женская натура — это такая тайна неразгаданная. Просто кладешь для режиссера. И Гаяль Польских в "Верности", и Гурченко в "Механике Гаврилове", и Чурикова, и Андрейченко, и Яковлева, и Ира Розанова в "Ангоре"... Знаете, меня даже кто-то назвал "дамский мастер".

— А может, дамский угодник?
— Нет, я бы не сказал. Конечно, женщина в жизни мужчины занимает огромное место. Полжизни, если не больше.

— А в своих актрис никогда не влюблялись?
— Это очень опасно. Конечно, если у тебя сильные чувства, если женишься — это одно. А все эти романы... Потом женщины начинают подругоу себя вести, они становятся капризными, пытаются командовать.

— Однако первая ваша жена была актрисой.
— Да, Надя Чередищенко. Это был такой роман с захлестом. Я только освободился после картины: лето, Одесса, Привоз, вино... Она очень красивая была, к тому времени уже снялась в "Первой перчатке" — знаменитая. Очень как-то все бурно у нас развивалось: приехали в Москву — сразу расписались. Где-то интуитивно понимал: я какой-то оператор провинциальный, зарплата 120 рублей. И тут такая звезда: квартира на Котельнической набережной, машина "Волга", дача где-то в Сухуми. У нее же до меня мужьями были Иван Переврзев и знаменитый авиаконструктор, Герой Соцтруда Микулин — был такой. В общем, чувствовал себя не в своей тарелке.

— Как говорится, любовь без радости была, разлука будет без печали?
— Да, очень легко все произошло. И она все поняла. Мы остались друзьями, когда с ней вижусь — а не так давно мы в больнице встретились, — очень мило общаемся.

— А с Миррой Григорьевной сколько лет вы уже женаты?
— Ну, если сыну уже 43, значит... 44 точно.

— Можете назвать ее своим другом?
— Она мой друг, она моя женщина, моя жена, мой доктор. Она мое все.

— Петр Ефимович, мне, например, очень нравятся фильмы вашего сына. А вам?
— Мне нравится "Любовь", мне нравится "Страна глухих". Ну а "Подмосковные вечера"... Это уже так. Нет, сделано очень хорошо. Но это все-таки другие люди: другое поколение, с другими возможностями. Мы были абсолютными идеалистами: не думали ни о фестивалях, ни о деньгах — только бы дали снимать.

— А мне приходилось слышать, что Валерий Тодоровский даже талантливее отца будет.
— Ну и хорошо. Было бы очень печально, если бы он был менее талантливым. Конечно, Валера — интересный режиссер. Очень много внимания уделяет форме — допустим, в "Подмосковных вечерах" почти все кадры сняты с движением... А если глобально: все-таки это поколение больше обращается не сюда (Тодоровский подносит руку к сердцу), а сюда (прилагается ко лбу). К сожалению, я вижу, как здорово сделано, но не заражаемо. Как зритель я должен сочувствовать, сопереживать. А если этого нет...

— Валерий спрашивает у вас совета как у старшего товарища?
— Я читаю сценарии, высказываю свои соображения. Но больше помогает мне он. Когда монтирую картину, я ему показываю. Уже, кажется, все выскреб, убрать больше нечего. А он свежим глазом может посмотреть, сказать: Я, правда, не всегда слушаю. Понимаете, я вот не чувствую, что мне 80 лет. В смысле здоровья не будем говорить, но у меня абсолютно свежая голова, мне хочется дурачиться, юморить. Я люблю ухаживать за дамами, мне нравятся красивые женщины, они меня вдохновляют...

— Значит, никакого уныния нет и в помине?
— Были моменты депрессивные. Давно еще, прошлым летом. Когда я боялся, что сценарий "На память с пережитых страхов" не пройдет. Я ведь тогда так и не решился его представить. И, как оказалось, зря. Потому что сейчас еще хуже стало, чем в прошлый год. Вообще это фильм надо было делать еще несколько лет назад. Вместо "В созвездии быка". Стратегический прокол.

— И тогда захандрили? От безысходности.
— Ну да, почувствовал, что остаюсь без работы, без кино. Без чего я жить не могу. Очень неприятное состояние. Когда тебе ничего не хочется, все валится из рук, у тебя бессонница, раздражаешься по пустякам, все время в голове крутятся какие-то нехорошие мысли. Ты уже не человек, а какой-то недочеловек. Бывает, что в таком состоянии люди вообще кончают жизнь. Тогда я стал писать. И ожил... Да нет, рано мне еще ставить точку. Разве что многоточие...

Дмитрий МЕЛЬМАН.

"ПОКА СНИМАЮ, Я МУЖЧИНА"

— Наше поколение без работы чахнет. Тот же Чухрай, который начал бурно, здорово, а потом десять лет не снимал, занялся какой-то экспериментальной студией. Которая в конце концов лопнула, после чего он уже работать не смог. Хуциев, который столько лет простоял и вот наконец собрался, сейчас что-то снимает. А по моему характеру... Я же не могу, как Герман, который снимает картину пять лет, или тот же Хуциев — три года. Я должен выложиться. Хорошо ли, плохо, но я должен от этого освободиться. Причем могу долго готовиться, размышлять, править сценарий, но когда надо кричать "мотор!", тут уже остановки быть не может — без продыку.

— Петр Ефимович, но сейчас-то есть к чему силы приложить?
— Да. Мои сценарии "На память о пережитых страхах" — очень сложный, очень резкий, неудобный — сейчас лежит в Госкино. А что с ним будет? Не знаю. Боюсь, не пропустят. Время другое — сейчас показывают сплошь старые фильмы, полный соцреализм пошел.

— А у вас там что за крамола?
— Там речь идет о человеке, воспитанном советской властью, идеология в нем сидит с детства. То есть: не доверять, проверять, забивать хороших добрых людей... Злодей такой. Вспомнил, как на фронте ко мне пришла семья: отец и три сына — добрые, наивные, работающие, из глухой деревни. И как они погибли не от войны, а из-за такого вот негодяя.

— Сколько лет вы уже не снимали?
— Два года.

— Годы мучений?
— Да нет, я писал прозу небольшую. Называется "Вспоминай — не вспоминай", по которой был снят сериал "Курсанты". Потом написал еще одну прозу-воспоминание — "Портреты, пейзажи, жанровая сцена".

— Ну так, может, и хватит? Столько лент уже сняли, да и лет вам, прямо скажем, немало. Пенсия — ведь это заслуженный отдых. Неужто не заслужили?
— Нет, ну когда пишу, я отдыхаю. Или когда попадаю на фестивали...

— У нас, знаете ли, пенсионеры обычно перед подъездом на лавочках сидят.
— Ой, это для меня головой о стенку. Ну не могу я просто сидеть. Хотя вот мой однокурсник давно отошел от дел, так теперь по четыре часа в день

44 года вместе: Мира Григорьевна и Петр Ефимович.

он занимается своим здоровьем. Целый комплекс упражнений разработал. Даже если утром надо уезжать по делам, несмотря ни на что, надевает спортивный костюм и четыре часа...

— Тоже ведь неплохо.
— Конечно, хорошо. Но, к сожалению, не для меня. Гонит меня все время куда-то...

— За кем гонитесь? Или от чего бегите?
— Вы знаете, когда был я помоложе, вообще медленно ходить не мог. Вот надо мне было все время куда-то бежать. Это уже черта биологическая — не замечаю за собой.

— И все-таки о пенсии. От многих маститых режиссеров все время чего-то ждешь, а когда они выдают, как-то за них становится обидно. Думаешь: уж лучше бы не снимали.
— Ну да, впрочем, смеяться — в профессии вора это самое главное. Но понимаете, в чем дело: можно снимать до тех пор, пока ты на экране молодой. Когда не чувствуется, что старик снимал.

— Но уходите надо все равно на пике?
— А у меня и не было этого пика. Я не очень ровный режиссер в этом смысле. Но уходите на пике... Нет, это смерть. Просто смерть. Я всегда говорю: пока снимаю, я мужчина. Здоров, не болен, меня женщины любят. А когда не снимаю, я старый, больно и никому не нужный.

— Петр Ефимович, вам снится война?
— Никогда не снится.

— А вообще войну вспоминаете как сплошной ужас или как самое светлое, счастливейшее время?
— Ну вот смотрите: героиня моего фильма "Военно-полевой роман". На фронте она была королева. Она была любима, это был ее звездный час. А когда закончилась война — без мужа, без квартиры, — оказалась на дне. А для меня... Не сказать, конечно, что лучшее время. Когда после ранения попал в госпиталь — вот это было прекрасно. После грязи, крови, вшей, когда ты не человек, а животное, — и лежишь на белой простыне, тебя отмыывают... У меня ведь было не очень тяжелое ранение — через две с половиной недели уже ходил. А тут санитарки, вечером танцы...

— Это самое приятное воспоминание о войне?
— Самое приятное — это 8 мая на Эльбе. Это было потрясающее ощущение — просто наступила тишина. Вдруг. Мы с тяжелыми боями вышли к мосту, а по ту сторону уже стояли американцы, они раньше подошли. И тут тишина. И река. И трава. Мы вдруг услышали, как птицы поют. Ни разу их не слышали, хоть и в лесах были... У меня сценарий лежит, не снял пока, называется "Оглушенный тишиной". Вот это очень точная характеристика. Мы валялись в траве вместе с лошадьми, сбросив вонючие портянки, и не верили, что остались живы.

— А самый страшный эпизод?
— Первая ночь. Меня бросили на передний край, в часть, которая наступала и выдохлась. Командир полка не знал, где находится комбат, где солдатики... Я весь такой новичок, в гимнастерочке, получил приказ немедленно найти командира батальона. И попал под артобстрел. Ну это просто жуть: осколки били по оставшим сгоревшим машинам, все взрывалось. А я лежал, прижавшись зубами к земле — от страха меня просто колотило. Потом, когда все же нашел комбата, один сер-

жант посмотрел на меня, говорит: "Пойдемте, я вам шинель найду. Я тут мимо пробежал, видел". Я сразу не понял, что он имел в виду. Мы полком пробрались в окоп, там стоял мужчина. Голову положил на руки, вот такие усы. И с куском железа в затылке — видно, снаряд сзади разорвался. Сержант стал пробираться в окоп, а это была одиночная ячейка, говорит: "Я возьму его сзади, а вы берите под руки". И я оказался лицом к лицу с этим человеком. С огромным трудом его вытащили, это оказался почти двухметрового роста солдат. Стали разжимать ему руки, а они уже закованели... Вот от этой сцены очень долго не мог освободиться. Тем более знал же: кто одевается с убитою, тот обязательно погибнет.

— Петр Ефимович, извините за вопрос, вам самому приходилось убивать?
— Ну я же закончил Саратовское военно-пехотное училище минометного батальона, а командир минометного взвода. Хотя до до ранения служил в пехоте. И когда мы наступали на Висле, вместе с солдатами бежал в атаку. Но сказать, что кого-то убил... Ты бежишь как разъяренный бык, ничего перед собой не видишь, стреляешь из автомата в разные стороны. А попал, не попал — кто же его разберет. Так что нет, не знаю.

— Давайте лучше о приятном. Насколько-я слышал, "Военно-полевой роман" автобиографичен. То есть с вами произошла точно такая же история?
— Только два эпизода, которые стали основой для размышления. Один — когда шли к полевой кухне, чтобы получить перловую кашу и кусок хлеба, мы проходили мимо землянки комбата, где звучала музыка и смеялась женщина. Видел ее только один раз, и то со спины, — как она пронеслась на лошади вместе с комбатом. А потом, уже после войны, голодным студентом зимой я шел мимо ЦУМа и увидел женщину, которая торговала пирожками. Но я не был уверен, что это она...

— И даже не подошли к ней?
— Нет, я спешил в фотомагазин и прошел мимо. Потом уже думал: не пойду на занятия — найду ее, чтобы рассмотреть, расспросить. Как-то прибежал к ЦУМу — ее уже не было.

— Если говорить об "Интердевочке" — эта сторона жизни вам тоже знакома?
— Да что вы?! До съемок я никогда не видел живую проститутку. Один раз, помню, приехал из Парижа хозяин кинотеатра "Космос", где была премьера "Военно-полевого романа", и позвал меня, Панфилова и еще несколько режиссеров в "Националь". Сидели там очень долго. Ближе к ночи моя жена начала отвозить французков в "Россю", а я остался ждать ее в "Национале". Смотрю: около гостиницы черненькие ребята появились, какие-то девушки. Понял: путаны, и идет торг. Рядом со мной останавливается обыкновенная русская женщина: изможденная, с авоськой — там бутылка кефира, кочан капусты — и тоже смотрит вытаращенными глазами на все это. И тут появляется такая секс-бомба! В кожаной юбке короткой, грудь наружу. И та

тем временем сумма бешеная, я в месяц получал 300 рублей... Другая женщина — кандидат физических наук: муж от нее ушел, одна с двумя детьми. Эта не считала себя проституткой, у нее была своя легенда: "Я не хожу на панель, но у меня есть десять мужчин, — говорит, — которые по расписанию приходят ко мне домой. И как только я накоплю сто тысяч, все брошу и засяду за докторскую". А еще пришла пигалица лет пятнадцати — маленькая такая, неприятная, но в норковой шубе. Я ей: "Что же ты, миленькая, твои ровесницы гнут спину за швейными машинками..." — "Ну и дурочки, — говорит, — они боятся, а я не испугалась — зато теперь хожу в норковой шубе".

— Мало того что фильм о проститутках, так вы еще первым из советских режиссеров осмелились показать половой акт.
— О, если бы мы зафиксировали на пленку, как снимали эту сцену, это был бы самый яркий эпизод картины! Лену Яковлеву положили на какой-то топчан, звукооператор включил джаз, и под ритм этой музыки мы все работали.

Валерий Тодоровский: яблоко от яблони далеко не упало.

Михаил СКАБЕЛОВ

Владимир ЧИСТЯКОВ

Александр ИЗОТОВ